

Рисунок Настасьи Поповой

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу краин света...

В том Сарайчике видел небольшое, с наперсток, озеро Сахарное. Прозрачное, как слеза, среди просторов зелено-рыжей степи. Лежит, будто алмаз на ладони. Не заросшее камышом и рогозой. Вокруг стоят и перешептываются по икры в воде белые березы. Воду-де подсластили наботом. Лебеди, стеля крыло, одни садилась, одни с клетком взлетали. Зрелище, достойное платы. В вечерний час он прогуливался вдоль по берегу. И о, чудо! Из-за ближайшего мыска на волнующуюся шелковую гладь озера выскользнула, словно перышко, золотая лодчонка. И направилась в сторону лебединого гурта. На лодчонке, слепившей отражением закатных лучей, сидела молодая дева в черном одеянии. По сторонам не оглядывалась. Ко всему безучастная. Весел едва касалась. Любимчики озера, грациозно скользившие парами, и не помышляли принимать ее за постороннюю. Плыли навстречу, плескали крыльями, проявляя явную радость.

Год назад ее избранник захлебнулся в омуте этого красивого озера. Сама она была дочерью военного сановника. Росла беззаботной баловницей, не ведавшей огорчений. Отец, угрождая капризам единственного чада, засыпал в озеро телегами набот. Сделав его сладким на вкус. Распугав гусей-уток, приручил лебедей. Так, баловница отца и баловница озера — лебедь нашли язык меж собой.

После того облачилась в черное. Перестала говорить. Отстранилась от житейских радостей. Отворачивалась от тех, кто пытался ей раскрыть душу. Все свои тайны доверяла вечерами лебедям. И делилась с ними печалью. Разбавляя воды сладкого озера обоюдно горькими, подобно живительным каплям, слезами.

Изящное создание даже и не повернулось в сторону великого кагана. Прислужник, которому не понравилась неслыханная вольность, вопросительно взглянул на него. Он пресек его одними бровями.

Неужто и девушка, окликающая и плача, улетает вместе с белыми лебедями? Поднимается в синь на чудо-подке. Обратив пару весел крыльями. Тесновато на земле, зато просторно под небосводом. Не сожалеет ни о ком, лети!

Почему тумены из Крыма вновь окружили Судак? Как еще нужно его покорять? Он ведь эту прочную крепость уж брал. Не оставил от города камня на камне. Пролилось много крови. Несговорчивого князя отпустил, сделав евнухом. Нешто мало, забыли прежний урок? Уклоняются от подати? Куда же смотрит Чагатай? Пусть первоначально на приступ бросит своих слонов. Дабы пришли в ужас, увидев этих машущих ушами, ровно эфиопы опахалами, громадных чудищ! Больно уж знакомая картина. Стоит все перед взором. Дай, всевидящий, памяти!

Однажды в долгом походе он наткнулся на город-крепость. Ворота окованы железом. Высо-

кие крепкие стены. В ширину в три размаха рук, не менее. Глянешь на башни — малахай с головы слетает. При возведении небожь предвидели, что в конце концов придет претендент. В стенах и в башнях по всей окружности зияют бойницы, напоминающие пчелиные ульи. Из этих бойниц сыпался град стрел. Ни встать, ни поднять головы. Взбешенные кони, сбросив всадников под стенами, возвращались налегке. Терпение было на пределе. Он кипел от ярости и негодования.

Камнеметные машины сотрясались и днем, и ночью. Велел наматывать на стрелы фитили. Подпалив их, отправляли через стены. Смоляные сосновые крыши загорались хорошо, клубясь черным дымом, но быстро гасли. Проворные горожане успевали их дружно потушить. Думал он, думал, и решил снарядить послов. «Аз есмь хвостатая звезда Небесного Тэнгри. Смиритесь перед судьбой. Прислушайтесь к волеизъявлению моему. Не устраивайте кровавого побоища. Прикройтесь крылом моего милосердия. Тогда сохраню вам нетронутым город. Дарую вам ваши жизни. Таково мое последнее слово. Коль не покоритесь — небо упадет на землю. Реки потекут вспять. Земля повергнется в огонь и пепел. Все живое поглотит трясина. Рвы и овраги наполнятся трупами. В лесах не оставлю голой жердочки...»

Подняв белый флаг, посланники подошли к крепостной стене. Града стрел не последовало. Приставили длинные лестницы. Камни не полетели. В тот момент, когда пятнадцать безоружных людей, карабкаясь, почти взобрались на стену... Душераздирающий вопль потряс всю окрестность. Кипяченая на углях смола бочка за бочкой опрокинулась на головы послов. Сварились заживо. Бездушные тела обсмоленными, черными валунами катались под ногами.

Это переполнило чашу. В тот же час сгустил он над крепостью черную смерчь. Пускай себе льют, пока не закончится смола, не останавливайтесь, сказал он. Стены вокруг города были обложены лесами и подмостками. Никакая сила уже не могла остановить озверевшие тумены. Горящие стрелы сыпались на защитников, словно ноябрьский снег. Громадные боевые слоны с диким ревом растаскивали железные ворота.

Один только всемогущий Тэнгри мог встать на пути. Так как не существовало тому преград меднолобых рабов божьих. Он не оставил камня на камне. Правда, женщин и детей, убегающих по закоулкам, не тронул. Однако все мужское население... Посчитал недостойным стрел. Приказал умертвить поголовно испытанным монгольским методом.

Метод... Какой же это был метод? Возбужденное сознание спутывалось именно в этом месте. Взрослые дети престарелых и обессилевших родителей... Он был мальцом, недавно поднявшимся с четверенек. Несмотря на то, событие пропечаталось в его детской памяти навечно. В опустившихся густых сумерках послышался топот копыт. Следом раздался отчаянный вопль «Есукей, где ты? Спаси меня!» Хлопнула створчатая дверь. На пороге появился старший двоюродный брат отца. Задыхаясь, он упал к нему в ноги. Отец, помрачнев лицом, потерял дар речи. Не знал, что и думать. Старший брат, стоя на коленях, умоляюще смотрел на него. Бормотал что-то невразумительное. Не понимая происходящего, он в страхе прижался к материнской груди. Кто осмелился покуситься на старшего брата управителя племени кият, именитого Есукея-багатура? Какой охальник не дает ему житья? Отец сидел-сидел молча, наконец сделал знак Оулэн подбородком. Тем он давал знать, что пора подавать айран и укладываться спать...

Позже мать, не в силах сдерживать слезы, объяснила тайную суть того ночного визита. Да, взрослые дети престарелых и обессилевших родителей... Сначала обхаживают, не чая в них души и угощая арком¹, приготовленным из ячменной настойки и крепкого кумыса. Подливая то и дело, спаивают допьяна. До полной потери ими сознания. После того... После бьют по пояснице, обрывая позвоночный столб. Таков сыновний долг. Неукоснительная традиция, унаследованная от предков. Не исполнишь — будут кликать «эй, нечестивец!». В среде родичей станешь бельмом в глазу. Потеряешь среду общения. Тела испутивших дух родителей поднимают на возвышенность либо оставляют у подножия. И радуются тому, что прилетевшие на пир стервятники все выклевали и оголили белые кости. Благая весть вознаграждается подарками. Говорят, улетели во владение Вечного Тэнгри. Душа попала в райские кущи.

Будучи даже ребенком, он содрогнулся от услышанного. Тело бросало в жар. Нарушился сон. Время от времени в его ушах возникал отголосок отчаянного крика «Есукей, где ты? Спаси меня!». Он проклял в душе такой обычай.

Отец его в битвах с врагами безвременно погиб. Матери он не перечил, а старался защитить от всех бед и лишений. Она умерла, спокойно составившись, собственной смертью.

Мужское население Судака... Всем без исключения переломали хребты. Трупы складывались

¹ Арк, арак — крепкий алкогольный напиток, водка.

пирамидами. Руины города лежали под огнем. Князь и тогда не склонил головы. Надменно выжидал. Сохранял достоинство. Поэтому и удивил его, заслуживал симпатии. Приятно, когда твой противник достоин духом. Предай он народ, спасая себя, открой своими руками ворота — все равно не быть ему в живых. Статный государственный муж. Смотрел прямо, хладнокровно наблюдая за дальнейшим ходом событий. И не шел на попятную, держался до конца. Слышал, что годом ранее умерла его жена. Под спудом переживаний жил бобылем. Он и подумал, какое же наказание может соответствовать вдовцу. Уважив его храбрость, не стал приглашать палача сломать хребет. Отпустил бы. Но как понимать поступок с заживо обваренными пятнадцатью послами, целой армией, polegшей под стенами? Уйдут неотомщенными? И к тому же князь состарился, теперь ему не о женском счастье надобно печься... Отпустите-ка его, охолостив, сподобив старому нашему мерину. Отныне поживет и евнухом. Будет впрок и другим князьям, кто лезет из кожи вон показать себя...

М-да, озеро Сахарное, м-да... Лежало, как алмаз, на ладони. Из-за ближайшего мыска на волнующуюся шелковую гладь выскальзывала, словно перышко, золотая лодчонка. Позже, когда красна девица и краса озера — лебедь роняли в воды сладкого озера живительные капли слез... Лодка опрокинулась, и девушка, захлебнувшись, утонула. Ходила молва, что единственную дочь сановника предали земле в золотой лодчонке. И та людская молва заронила в нем мысль.

Пробудиться бы мне...

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу краин света...

Э, да это родной Каракорум! Край обетованный. Почему давно нет вестей от Кулагу, повернувшего коней на Миср¹? Куда девался этот летописец с искусными пальцами? Отчего бы ему не подготовить письменного привета, сродни тому, которое мы препроводили Субедю? Что же они на шелку начеркали, скрепив рубиновой печатью? «Зная твою доблесть и безграничные возможности, я отдал тебе на откуп просторы между восходом солнца в предгорьях и его закатом. Всякому, кто подчинится воле твоей и присягнет на верность, подарю жизнь. Облагодетельствуй милостью. Вся-

кому же, кто пытается встать супротив тебя, наказание должно быть одно. Заверши его юдоль земную собственноручно. Отправь во владения Вечного Тэнгри», — витийствовал он. В трудную минуту будет опорой ему с двух боков. Напишите скорей Кулагу! Дайте в руки мне рдяную печать! Поставлю-ка я тамгу на все времена! Принесите, живей!..

Ведь это тот плут, которого подвластный народ величает Мухамедом Хорезмшахом! Бросив честь псу под хвост, убегает, что ли, в Афганские горы? Именно таким образом под стенами Бухары и Самарканда спасалась его правоверная армия, завидев ревущих и несущихся прямо на них два десятка разъяренных слонов, содрогавших землю. Нет, нет, подался, кажется, в Персию. Впрочем, сочтут ли теперь его за султана? Совсем потерял рассудок. Почему же говорили, что бежал, поднимая пыль, не выдержав натиска Субедя? Поселился на крохотном островке, затерявшемся в пустынных водах Хазарского моря. Нашел там смерть от змеи. Кости растащили морские собаки — тюлени. Неужто воскрес заново? Гонитесь за ним на пристяжных. Закуйте обе ноженьки его в колодки. Не лучше ль почтить шахидом на твердой земле, чем затерять кости в безмолвной пучине? Такова ему последняя милость.

Что делает Борте среди этой сумятицы и погони? Красивое лицо ее окрылено улыбкой. Нареченная, еще при жизни отца его, Есукея, невеста. Готовится ступить через порог его с матерью скромного жилища. Сколько заснеженных зим миновало. По волосам его тоже пробежал белый иней. Нешто женщине и годы нипочем? Стоит, чего-то робея. Почтительно наклоняется. Ах, так на руках у нее длиннополая шуба, сшитая из меха черной куницы. Гордилась, что сама, своими руками скроила и сшила для суженого. И что же, до сего дня таскается с таким тяжелым подарком? Для юнца в то время он казался самым что ни на есть богатством, подношением Тэнгри. Спустя годы слава его затмила луну. Он стал величаться не иначе как Властелином мира. Под ногами выросли горы золота и серебра, россыпи разноцветных, спящих глаза самоцветов. Неописуемого благолепия дворцы, бессчетные племена и народы склонились перед его могуществом. Правда, это великолепие смогло ли затмить той старой куньей шубы, которая в непогоду согревала его вдвоем с матерью в бедной, простой лачужке? Нет, несметные богатства искушенных лет не стоят и толики добра, которое ему выпадало в голодной, нищенской юности. Где же носит этого летописца с искусными пальцами? Не это ли один

¹ Миср — Египет.

из завестов, который следует оставить его потомкам? Почему бы ему не пометить.

Так и теснятся, наступая на пятки друг другу. Утопают в белесом мареве и возникают заново. Кто этот вельможа со стриженной черной бородкой, а тот юркий, как воробей, чьих будет государей, что потерял здесь дородный молодой бай-боярин с отвисшим подбородком... Идут напролом за своей правдой. Подите вы прочь! Был бы бесценный сват или бывалый друг, куда ни шло... О, не верю глазам своим, неужели русская краса Ольга? Жива, стало быть. Значит, не сочтены были дни. Как нагло его провели. Если б умерла, то, наверное, не вернулась? Пробудиться бы только мне. Загнал бы душонки лгунов и плутов в одно игольное ушко! Им бы соседствовать с крысами. Скучают, быть может, по зиндану в сорок аршин.

Стройная и гибкая, словно ива. С голубыми, цвета неба, глазами. Золотистые, светлые волосы треплющиеся на ветерке... Подалась вперед. Тянет руки. Дай-ка поддержку твои лилейные пальцы. Приглушу тоску по тебе. Шевелит губами, но почему не слышно голоса? Повтори. Говори же! Ну, пойми теперь...

По сути светлый облик Ольги давно ли появился в Каракоруме? Прожитые годы, как похожи они на быстро текущий сон. Предрассветный.

Князь Юрий Алексеевич выходил в дорогу в надежде самолично подать руку кагану, поделиться негласными планами. Думал, примет полюбовно — побратаемся, вкусим от щедрот наших. Благополучно преодолев шесть месяцев нелегкого пути, прибыл с дорогими подарками и сувенирами. Сопровождала его всего-навсего небольшая дружина. Он принял его со всеми почестями. Воздрузил отдельный шатер. Лично князю поставил шестикрылую белую юрту. Душа Чингисхана открыта к кому бы то ни было, кто признавал его подданство, шел с чистой совестью, желая еще более сблизиться. И объятия широки, и нравы возвышенны.

Князь Юрий Алексеевич сделался названным братом и дал клятву на верность. Преподносил дорогие подарки. Но его, о господи, избегавшего разноцветной мирской мишуры, разве можно удивить грудой подношений. Благоволил лишь в благом расположении. Единственно вострепнулся, как увидел стройную и гибкую, словно ива, красу Ольгу. Улыбнувшись, засмотрелась и княжья сестра голубыми, изливающими цвет неба, глазами.

Золотистые, светлые волосы... Обычно невозмутимый, хоть земля из-под ног уходит, он в порыве устремился к ней, протягивая руку. Спро-

вождавшую малую дружину охватило волнение, которое затем сменилось громкой радостью и гордыней.

Не доверяя другим наложницам, исподволь пакостившим друг дружке, попечительство поручил старшей из жен Борте. В дальнейшем сроднила их страстная ночь, оплатив все сполна своей жаркой любовью. Жаль, не встретилась в его молодую пору. Могло стать, подарила б наследника. Не сказать иного рода-племени, так как не было в ней изъяна...

Внезапно, в одну ночь, краса его исчезла. Ни Борте, ни кто посторонний даже и не заметили. Он едва не перебил весь дозор, мимо которого мышь не могла проскользнуть. Молящих о пощаде наложниц чуть не попривязывал к хвостам взбешенных коней. От его нестерпимого вопля гнулись деревья и стелилась трава, бурлила вода и стонала земля. Поставив заграждения, проверил все горные тропы. Прочесал все леса и степи. Пропала бесследно. То ли джин обуюл? То ли пери унесла на крыльях? Бежать в родные края и повода вроде не было. Коню не домчать — путь не близок. Избив копыта, падет по дороге. Не всякая зверь и не всякая птица одолеет. Стал не мил великий каган... Такое и подумать немислимо! Сколь принцесс и прелестниц со всех концов света мечтают лишь попасть в его тень. Растворив немало сердец, он никого не неволил. Брал только то, что даровано судьбой. Всего и не упомнить. И только русская ладушка... Неужто ее сладкие чары так и останутся воспоминанием до скончания века?

Источилась щербатая луна, и на место ее вошел молодой месяц. Известие доставили случайные конные путники. В далеком горном ущелье нашлись останки княжьей сестры. Золотистые, светлые волосы теребил ветерок. По ним и узнали. То ли волк утащил? То ли медведь задрал? Одни кости белеют. Усмехавшимся, что бес попутал, поотрезал языки. Ополчился на всю волчью масть. Поубавил медвежью породу. В час погребения останков срезал золотистый локон и передал его в тайное хранение. С того дня и сам занемог. Никого ни видеть, ни слышать не хотел. Взял за обычай размышлять в одиночестве. Временами надрывно стонал. Пожалуй, неисполненная тоска язвой жгла изнутри...

Жива, стало быть. Знать, не сочтены ее дни под солнцем. Так жестоко его провести. Кабы умерла, то бы и вернулась! Подойди, присядь ко мне рядышком. Успокой мою грусть и печаль. Почему тянешь руки свои с порога? Зовешь меня с собой куда-то пойти? Пошел бы, да качающийся, зыбкий мир пока не отпускает. Не дает пока права оставить.

* * *

Где этот тюркский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

Избегайте пристрастия к богатству. Оно породит в вас желчь и зависть. Разожжет ядовитую алчность. Отсюда пойдут ваши беды.

Чего добился Субедей в мусульманских странах и Мукулай в Китае, оттого, что позарились на снаряжение, шелка и посуду, затуманившие взор? Забывают ремесла и традиции предков. Не родились ли вы на свет нагишом? Какой скарб хотите забрать на тот свет? Почему не возьмете примера с меня? Разве сгребал я чрезмерное состояние? Или носил несвойственные одежды? Брал в руки чуждое нам оружие? Шел на поводу превратного мира? О нет! Вы же видели своими глазами.

Будете продолжать так жить, враги вас задумают в своих объятиях. Отречетесь от Вечного Синого Неба. Позабудете речь родную, к которой уж прислушался остатний мир. Натрете лаять и картавить на разных языках. Что тогда ты будешь из себя представлять?

Потомки мои, куда бы вас ни забросила судьба, не теряйте дороги к священному Каракоруму. Не предавайте одиночеству горы Бурхан-Халдун. Да не опустеют без вас воды Онона-реки. Там покачивается на ветру золотая колыбель твоя.

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу краин света...

Торопливо, враскорячку, паук старательно расставляет сеть. С завидной ловкостью соединяет меж собой две сухие ветки. Это же горный хребет Бурхан-Халдуна. Как сюда попал паук? В детстве видел их множество, бредя следом за овцами. Он кидал в них камнем, разметав в пух и прах шелковистые, липкие пути. Видал, как шустро бегают? Ой-ой, какое расстояние между ветвями! И паутина такая крепкая. Не уступает, кажется, волосяному аркану. Возможно, и конь не разорвет на скаку всей грудью. И под рукой, как нарочно, нет ничего подходящего.

Что это за звук, похожий на звонкое жужжание? Неумолчно впивается в уши. Кто же так отчаянно кричит? Маленькая черная муха. Запуталась в сетях паутины. Вопит из последних сил. Пытается вырваться. Спрятавшийся за веткой паук спешит враскорячку. Как таращит глаза от радости. Как искусно опутывает шелковой нитью. Маленькая черная муха, попав в плен, со-

противляется из последних сил. Как назло, нет камня...

Перед началом великого похода пригласил своего прорицателя. Принудил смотреть на луну. Просчитать ход звезд. Прорицатель в чапане до пят, прикрыв один глаз, ушел в глубокое раздумье. Наконец, очнувшись, промолвил: «Вижу, собираетесь вторгнуться и покорить две большие страны. Однако не поспело время, говорят небеса. Впереди расставлены прочные сети. Первая — непроходимый водный поток, вторая — непреодолимая каменная стена. Есть стародавний кровный враг. Перво-наперво разбейте его. Сделайте себе подвластным. Вслед за тем путь будет расчищен дальше. Небесный Тэнгри сопутствует вам».

Пригладив медно-рыжую бороду, он призадумался. Стародавний заклятый враг — Тангутская держава. Главной целью его был Китай, укрывшийся за Великой стеной. Страна поделена на два больших лоскута, именуемых Северная Цзинь и Южная Сун. Иногда ссорятся, иногда мирятся. Особенно точил он зуб на Северную Цзинь. Во времена оные коварно предавшую и погубившую прославленных ханов Кабула и Кытыла. Наступила пора положить конец безграничному плутовству. Ничем не выказав коварных помыслов. Не объявив войны. Без всякой видимой агрессии. Стараясь играть на настроении вождей соседних кочевых племен. Раскатывая рулоны своих шелков. Предлагая огнестрельное оружие. Даря звонкие бусы и сверкающую посуду из фарфора. Конечно, после подобных щедрот и красот степная вольница непомерно воодушевилась. Безмерно разгулялась. А с наступлением сумерек милые соседи распрямили когтистую, хищную лапу. Набросились коршуном. Разорили дотла сыновей, поотрезав уши, угнали в рабство. Дочерей, состригши косы, превратили в наложниц. Обездоленный народ полвека не мог прийти в себя.

Только при хане Амбагае племена тех монголов смогли окрепнуть. Император Цзинь, ожидавший мести, постарался заново заключить мир с отдельными вождями кочевников. Закрепляя его излияниями и лобзаниями. Бросая огонь, разжег между ними кровавую распрю. Страна номадов была истерзана. Разоренные племена откочевывали. В затянувшемся противостоянии хан Амбагай угодил в плен. Его передали в руки китайского императора. Бросили в сорок локтей зиндан. Каждый божий день от его тела отрезали кусок мяса. Вырвали язык. Выкололи глаза. Погиб в нечеловеческих муках.

Обида и скорбь затвердели комом в сердце великого кагана. Народ Китая не имел числа. От-

лично вооруженная армия, неприступные стены. Были, впрочем, и слабые места. Настало время набросить петлю на шею. Подобрали самый удобный момент.

Выходит, прорицатель не врал. Что же донесли его лазутчики, излазавшие сокровенные уголки Тангутского царства? Что, расселившись вольготно вдоль Желтой реки, дела их, судя по всему, идут в гору. Хан их, подражая императору Китая, отрастил волосы и скрепляет их пучком на макушке. Носит плетеный колпак. С утра до ночи сидит в высоком деревянном дворце на золотом троне. Жены его утопают в шелках, украшаются всевозможными бусами, умащаются благовониями. Простой народ, бросив промысел предков, ковыряется в земле. Доволен тем, что набивает брюхо какими-то красными хлюпяшками и зелеными хрустяшками. В передней к нам, западной части размещена армия. То там, то сям торчат жерла огнедышащих пушек. Китай, по всей вероятности, постарался закрепить тангутов со стороны подступа явного врага. Чтобы могли принять удар на себя. Иначе за какой надобностью укреплять ему инородный народ?

Что еще донесли его лазутчики, излазавшие страну? Говорят, ихний хан, с утра до ночи не покидающий трон, установленный в деревянном дворце, кроме женщин, ни в чем не смыслит. Только и знает изо дня в день, точно жеребец, обгуживать косяк одалисок. Сплошь отборные красавицы со всего света, будто пропущенные через волшебное колечко. Потому и бросают шары, путают очередность, царапаются и таскают друг друга за косы. Красу же самой младшей жены, дарованной меркитами, описать лазутчикам не представлялось возможным. Только и твердили, то грустит, то вздыхает, взгляд сияющий опускает!.. Что за дева, от которой теряют рассудок? Человек она или чарующая, может статься, пери?

Широкий лоб великого кагана невольно нахмурился. Прочертились две линии глубоких складок. Эй, меркитская дева, говорят? Те меркиты, которые с давних пор враждовали? Всю жизнь противостояли Есукею-багатуру. Переворачивали округу вверх дном. На мировую не шли. Когда он взял в жены юную Борте... Налетели под покровом ночи... Позавидовали счастьем сироты, отобрали и увезли его невесту. Содержали, как единородную дочь, в надлежащем почете либо, укоротив косы, держали у порога, неизвестно? Позже, собрав отряд, он ее высвободил. Не стал доискиваться до того, что былшем поросло. Борте тоже, подобно истерзанной тигрице, не болтала языком. Не мучился он сомнениями и тогда, когда родился

первенец Джучи. Забродили, правда, слухи среди сородичей. Дескать, не хватало вскармливать чужого волчонка-подкидыша. Разговоры такого рода он запретил. Можно сказать, пресек на корню. Кто посмеет сказать, не похож — розовощекий такой, в глазах искорки и остроумия, и грусти одновременно? От белолобого коня не всегда родится белолобый жеребенок. Родится со звездочкой? Совсем неплохо!

В таком случае за дело! Да благословит нас Небесный Тэнгри! Одним взмахом руки, подобно двум своим могучим крыльям, он поднял оживавших на чеку два тумена Субедея и нояня Жебе. Сам двинулся в одном ряду с гвардией телохранителей. Ровной, быстрой рысью они достигли Желтой реки. Но и противник не сидел сложа руки. Возможно, поднял их гул копыт. Тумен отважного Субедея бросил в атаку первым. Нояню Жебе приказал обойти правый фланг и зайти врагу в тыл. Чтобы при неожиданном появлении полков армии Цзинь, не допустив соединения с тангутами, разгромить их на полпути. Предупредительный удар смял начальные ряды противника. В сплошную массу смешались и бежавшие, и преследовавшие. Копытами коней вскопали огороды, на которых росли эти самые не столь сытные зеленые хрустяшки.

Не успевая, как говорится, оглянуться и узреть плоды первой победы, великий каган остался доволен, и ему было незачем созерцать поле брани. Доведя еще раз только до обоих полководцев жестами и мимикой то, что хотел сказать словами, внедрив в их сознание взглядом, он отправился в родной Каракорум. Когда изогнутой тростинкой породился новый месяц, прибыл и гонец с радостной вестью. Тангуты разгромлены. Оба тумена, отяжелев обильной добычей, возвращаются назад. Хватаясь за последнюю возможность, хан тангутов раз за разом гнал людей для примирения. Снаряжал одного за другим велеречивых послов. Они стлались у их ног, точно перепела с перепелятами. Старая обида разве забывается? Можно ли стереть из памяти кровь, понапрасну пролитую отцами и дедами, стенания юношей и девушек, попавших в рабство, муки возлюбленной в плену у меркитов, которую оберегал он даже от солнечных лучей? Хана тангутов изловили на пути в Северную Цзинь, куда он бежал на пристяжных в надежде на покровительство. Мелкая, продажная душонка. Не смог достойно погибнуть, защищая свой дворец. Поймав, тут же лишили головы. Подняли на высокий шест. Водрузили посреди города. Уцелевшее тангутское население, оставив земли, стало бродяжничать. Терпя лишения, расплылось

по свету. Наложниц тангутского хана, доставленных из разных стран, поделили меж собой оба нояна. Перед тем как вернуться в Каракорум, он ведь сам объявил, что не нуждается в тангутской роскоши. И потому богатая добыча, распределенная поровну, попала в хурджуны простых ну-керо-в.

Единственно, ему нужное он объяснил двум своим ноянам на языке тайного жеста и многозначного взгляда. И намек был выполнен в точности. Взору его предстала меркитская дева с сияющими газельими глазами. Дивная младшая супруга тангутского хана. Он испытующе взглянул на нее. Красота небывалая для простого смертного, если не вмешалась нечистая сила. В его памяти сохранились лишь брови, то и дело смыкавшиеся и взлетавшие крыльями ласточки. Великий каган почувствовал облегчение в руках и ногах.

Испытывая терпение, ждал приближения сумерек. Под белоснежным атласным покрывалом, на широкой шелковой перине... Кабы травленный орел-беркут усладился степной лисичкой с красно-желтой спинкой... Застарелой обиды не забыть. Все же душа отогрелась бы немного. Отогрелась бы да утешилась. На сей раз Борте взяла руководство на себя. Как правило, заурядными делами занималась Райхано. Омывая теплой водой тело вновь прибывшей молодой пассии, умащая благо-вониями и препровождая к своему хозяину. Старшая жена Борте что-то, вероятно, заподозрила... И, видимо, не зря. Стоило лишь в ночном небе загореться светильникам звезд, возник неимо-верный переполох. В ход пошли хлопки оплеушин. До слуха донеслись сдавленные рыдания. Посмотрите-ка, что вытворила красавица! Промеж ног в женский орган запрятала лезвие. Надумала месть совершить. Пусть, мол, орел-беркут утонет в луже крови, когда, расправив крылья, опустится на нее. Пускай, думала, умрет, не познав услады.

Старшая жена Борте, как выяснилось, почувствовала неладное. Забеспокоилась, словно ангел-хранитель, и пыталась предотвратить. Никому не доверила. Обыскивая двумя пальцами, обнаружила лезвие. Обнаружила и повырывала на бесстыжей волосы. Измазюкала прелестный лик, отсутствующий у простых смертных. Перепуганная до смерти младшая жена тангутского хана оказывала сопротивление. Порывалась к реке, грозя утопиться. Хваталась за веревку, намереваясь удавиться.

Пораженный, он не предпринимал никаких действий. Руки и ноги его отяжелели. Нешто женщина могла придумать такое? Похоже, перед побегом в Северную Цзинь муж посоветовал. Чему хоро-

шему научит плут? Можно ли ожидать от отступника, предавшего народ, благородных поступков? Хотел обесчестить великого кагана, подослав женщину. Нашел якобы свою кончину от лезвия в промежности. Он мог бы казнить сей же час. Но народ скажет: Чингисхан застарелую злобу возместил на беззащитном существе. Скажет: каган совсем выжил из ума, коль воюет с бабами. Длинноухие сплетники начнут склонять на все лады. По ходу и приукрасят. Мало ли у него переменчивых друзей и врагов в сем коротком, как тень лопуха, земном веке?

Сидел он, сидел, и сказал, чтобы не трогали, но держали, однако, уединенно. В пище и одежде не ущемляли, но не поддерживали разговора. Не допускали мужчин. Обделили вниманием. Страдает пусть, не находя снадобья от одиночества. Так же состарится и закончат дни свои. Такова кара!

Что за отчаянное жужжание? Нестерпимо режет слух. Маленькая черная муха. Угодила в сети к пауку. Почему он ее не отпустит?

Пробудиться бы мне...

* * *

Где этот тюркский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

Давным-давно, в стародавние времена, жили два брата — два змея. Один из них был с одной головой, но со множеством разветвленных хвостов. Представляешь? Второй же со множеством разветвленных голов, но с одним только хвостом. Жили они беззаботно: летом грели спины, а осенью наедались до отвала. Потом примчались предвестники лютой зимы — вьюги и метели. Теперь оставалось залезть в нору и проспаться до теплой весны. Вот тут-то и разгорелся скандал. Змей с одной головой, но со множеством хвостов, недолго думая, нырнул в нору и исчез из виду. А как поступил змей со множеством разветвленных голов и одним хвостом, спрашивается? Каждая отдельная голова начала доказывать свое право первенства и отстаивать его. Переругавшись между собой, они стали хватать друг друга и не пускать ко входу... С приходом весны и солнечной оттепели одноголовый, но многохвостый змей выползает наружу. Глядит, а его многоголовый брат окоченел на морозе и помер у самого входа в нору. Для чего я это поведал? Подумайте сами, мои потомки! И помните об этом!

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу краин света...

Да, и утвердилась в нем мысль.

Утвердилась, и дал тайное поручение четырем своим сыновьям и ноянам, с громыханием расправлявшим, будто сухую воловьую кожу, четыре стороны света. Выискать династии мастеров с искусными пальцами, умеющими чеканить из серебра и золота различные украшения и изделия. Никто не удивился очередному наказу великого кагана. Мало ли чего желает душа его, ходящая под покровительством самого Тэнгри. Не поражает ли он на протяжении жизни как друзей, так и врагов! И не в последний, видимо, раз. Как и не в первый...

Раньше, когда только формировались тумены будущего войска, он отправил своих лазутчиков обойти целиком Китай. На что уж только не горазд этот народ, охочий до всякого рода насекомых. За счет тутовых червей получает шелковую пряжу. Ткет из нее прелестную, льющуюся ткань. Прямо-таки удивительно — нить, производимая попойкой червячка, по прочности не уступает конскому волосу. В конечном итоге из внутреннего Китая переселил целый хутор ткачей. Распорядился наткать рулоны шелковой ткани. С оплатой тоже не поспешил. Полученный шелк заставил раскроить и сшить на все войско нижнее белье. В сравнении со штанами и куртками, сшитыми из войлока и кожи, шелковая ткань оказалась намного прочнее. Не всякая стрела, особенно дальняя, могла пробить. Иная если и пробивала, то шелк, растягиваясь, входил в тело вместе с наконечником. Легче было вытащить, и рана быстрее затягивалась.

Перед тем, как выступить многотысячным войском завоевывать страны мира, заново отправил людей в сопредельный Китай. Распорядился доставить лекарей и знахарей, знающих травы, готовящих снадобья, умеющих проделывать операции и вправлять кости. С отвисающими хурджунами прикрепил их к обозам. Нукеры, ранее не носившие шелковых одеяний, ощутили въявь его неопределимую пользу. Угождая под копыта и мечи, благодаря лекарям и шелку, быстро вставали на ноги и возвращались в строй.

Наступила очередь искусных мастеров. В Каракорум не столько пришли ногами, сколько их примчали, иной раз не давая коснуться земли, ювелирных дел мастера из Персии, Руси, Кавказа и Крыма. Великий каган, рассыпав перед ними золото, проверил, смогут ли справиться со статуей Будды. Затем оценил свою копию из серебра. Работы были выполнены без сучка и задоринки. Одна лучше другой. Наконец, остановил выбор на выходцах из Кавказа. Пришлась по душе серебряная вязь по золоту. То, чего он и ожидал увидеть...

Подыскивая место, предпочел тесное ущелье Бурхан-Халдуна. После выдалбывания породы внутри горы образовался дворцовый замок. В нем-то и поселил всю общину бородатых ювелиров. Возле узкого входа, в который мог проникнуть бочком лишь один человек, поставил круглосуточный караул. Появится путник или пролетит птица — все попадало в его поле зрения. Иногда наведывался он сам под видом верховой прогулки и охоты на дичь.

Ко времени полнолуния, когда месяц округлился серебряной чашей, люди, трудившиеся в горе, оправдали надежду. Исполнили его задумку. Великолепный золотой саркофаг длиной в три и шириной в два размаха рук стоял перед ним. Открыв тяжелую крышку, установленную на петлях в пяти местах, он долго глядел вовнутрь. Придирчивым взглядом осмотрел все четыре угла саркофага. Великий каган, некогда обозревавший с седла все четыре стороны света... Неужто дух его, паривший в поднебесье, нашел место своего последнего пристанища? Будет, оставь!

Обратил внимание на строки, отчеканенные по обоим бокам саркофага. «Чингисхан Волею Небесного Тэнгри повелитель мира». Хвала провидению! «Коли потревожите золотой саркофаг, наступит конец света». В полутемной пещере золото, тесненное серебром, отбрасывало загадочные блики. От этих безжизненных бликов веяло холодным дыханием суетности земного бытия. Он невольно поежился. О, светозарная жизнь, пролетаешь и ты над моею сирой головешкой!

Великий каган эту свою великую тайну из всех современных ему сынов человеческих донес до слуха лишь одного мудрейшего Кокко-Цоса...

Да, тангуты были разбиты. Между тем закончились ли на том, как переменчивый ветер в непогоду, скрытые козни недругов? Всегда найдутся обиженные и ненавидящие его супостаты. Один из них — хан Кучук. Отпрыск найманского хана Таяна. Призвав себе в союзники меркитского вождя Токтабека, не прекращает ерепениться. Сколотил войско. Говорят, задрал нос, получая огнеметы из Китая. Меркиты — старые соперники, примирения быть не может. Судя по всему, поспело время ударить по ним одновременно, надо только подобрать удобный момент. Под прикрытием сумерек вызвал в ставку своих ноянов-воевод Субедея и Жебе. Спустя несколько дней оба тумена уже держали курс на восток. Не обыденно и серо, а под торжественный треск барабанов и призывы сурн. Иногда, чтобы подавить настроение противника, такой метод тоже имеет место. Он как бы давал понять тем самым, что с тобой

воевать — равно на прогулку сходить. Всего-то делов, прийти и взять тебя за шиворот. А мотивы ему известны. В стан врага оба тумена ворвались с наскоку. Не дав опомниться, тут же обратили в бегство. Разворотили укрепления. Кишлаки сравняли с землей. Вытоптали посевы и пастбища. Захватили людей и скот. Голова Токтабека, не удержавшись на плечах, попала в дорожную сумку и выкатилась к нему под ноги. Хан Кучук, скрутив лошадям хвосты, бежал без оглядки за китайскую стену.

Не о том ли помышлял великий каган? Не мешкая, в Северную Цзинь отправил гонцов. Потребовал схватить, связать и передать ему хана Кучука. В противном случае... Последовал высокомерный ответ: «Если монголы — рыба, то мы — море. Куда деваться рыбе без моря?» Сказали, что хан Кучук богоугодный наш сосед, и мы не можем согрешить, подняв на него руку... И с каких это пор они стали верны узам дружбы и данному слову? Не получив внятного ответа от гонцов, он снарядил нарочных всем четырем сыновьям. Находившиеся рядом сыновья Укитай и Толе прибыли незамедлительно. Из афганской земли поднялся Чагатай, с речных пойм Урала и Волги двинулся в поход его первенец — Джучи. В лунном свете сверкало копье прославленного джалаирского тигра Мукилая. Тумены, текущие со всех концов света, затмевали поднятой пылью дневное светило.

На сей раз, оседлав белого боевого коня, во главе похода встал сам. Девятихвостую хоругвь с изображением волчьей головы доверил держать младшему сыну Толе. С идущими вослед был краток. «Еще не высохли слезы отцов и дедов. Духи предков требуют мщенья! В нас десница Тэнгри. Айда!»

Император Северного Цзинь не сидел сложа руки. На что же сетовал его прорицатель, созерцавший звезды ровно полвека назад? «В ближайшие времена в одной из северных стран появится роженица. В утробе ее будет мальчик, схвативший пригоршню крови. Если он придет в этот мир, то покорит половину Вселенной. Угроза Поднебесной исходит именно оттуда. Надо умертвить, пока не открыл веки и не ступил на землю?» Положим, и так, но не гладить же чрево каждой привередливой бабы, возжелавшей зачать. По лику какого дитя, появившегося на свет, призвет гадать ведунов? И стал загребать жар чужими руками. Стравливал тангутов с маньчжурами, меркитов с монголами, наблюдая за театром со стороны. Смотрел, кто кому глаз выклюет, заигрывал с победителями. В итоге четыре кочевых племени превратились

в непримиримых врагов. Гибель его отца Есукэя приходилась на тот период.

Великий каган миновал разоренную тангутскую землю. Придержал коня у Желтой реки. Бурное течение не позволяло переправиться с лошадей. Река клокотала и пенилась, поднимая со дна желтый ил и глину. Чтобы не потерять время, он приказал применить способ, который использовался при переправе через Волгу. Что это был за способ? Огромная конница, сметая и травя все на своем пути, сгрудилась у берега полноводной реки, отрезавшей их от русских княжеств. Лошадьи могли переплыть сами, деревянные арбы не утонут. Что делать с людьми в тяжелых доспехах? Уроженцы степей и гор мало смыслили в большой воде? Сразу камнем пойдут ко дну. Не вода, а разверзнутый зев.

Моментально находивший выход, казалось, из безвыходного положения, он огляделся. По берегам реки росли плотные заросли камыша и рогозы, протянулся густой тугайный лес. Дал команду рубить. Аккуратно собрать. Заставил подрезать хвосты и гривы лошадям. Все срубленное уложить двойным плотным настом и прошить крепкой волосяной веревкой. Получился своего рода длинный и прочный плот. Край спустили в реку, и несколько десятков джигитов, держась за гривы сильных коней, мелькая головами в пучине, потянули его на противоположный берег. Таким образом через водную преграду удалось переправиться целому войску. Впоследствии выражение русских князей, застигнутых врасплох, «Эти степняки — ну сущие чертяки!..», стало притчей во языцех...

Войско, оказавшееся посредством плотов-настилов на другом берегу Желтой реки, было готово к активным действиям. Началось кровопролитное сражение. Китайская армия, не владевшая столь искусно конем и оружием на скаку, дрогнула. Подобно многочисленной отаре овец, спасающейся от стаи волков, она спасалась бегством. Двум городам, стоящим на пути наступающих, был учинен настоящий Судный день. Главой города Чжунду он посадил джалаирского тигра Мукилая. Город-крепость Ляоян перешел в распоряжение легендарного нояна Жебе. Воевода Субетай двинулся дальше покорять земли на Востоке, вплоть до Корейского полуострова.

В азарте победоносных баталий сам ненароком получил ранение. Копьем задело мягкую голень. Не придал значения. Под волчьеголовым развевающимся стягом, под праздничные звуки карная повернул домой...

Плывет ли это золотая лодка, борясь с быстрым течением? И без весел. На одном конце ее

сидит избалованная дочь сановника с Сахарного озера. На другом — его неизбежная печаль русская краса Ольга... Две дивные девы ведут меж собой потаенную беседу, неуловимо улыбаются. Посередине же сидит он! Как успел оказаться в лодке? Куда его переправляют? Стойте! Хочу сойти!.. Золотая лодка, не внимая желанию великого кагана, уходила все дальше, гонимая течением.

Пробудиться бы мне...

* * *

Где этот тюркский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

Я, великий каган, хотел воздвигнуть единое государство. Сколько сил поисчерпал на этом пути. Сколько претерпел. Почитал священные писания. Не творил вреда рабу божьему ради веры его. Не рубил повинной головы. Не разрушал его города. Пусть пасет скот, выращивает сады, ловит зверье, думал я. Вернется ли у кого язык уличить меня в беспричинной жестокости? Может статься, я посеял среди вас семена благодравия?

Не темные силы восторжествуют над миром, а благородный разум.

Восток — Книга мудрости. Проникнитесь ей. Не затем ли оградил от огня книги Отрара, оставив в назидание потомкам? Не равняйтесь на Запад. Он источает гибельный смрад. Нет прока от наук и механиков, если нет единства духа! Потому и пали...

Потомки мои, доколе гарцевать вам верхом на коне, прикрываясь моим приснопамятным именем?

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу краин света...

В былые времена река Онон, бушуя волной, обглаживала берега. Кричали чайки, вырывая друг у друга из клюва рыбу. Цапли, вытягивая длинную шею, выуживали лягушек из водорослей. Ребятня штанами и исподним бельем выуживала мальков вдоль берега. Какая трава была! Кувыркаешься по ней или ходишь — чисто лебяжий пух!..

И когда он успел покинуть белую юрту? Сам по себе стоит на крутом яре. Наверное, заскучал по реке. Разве дальние пути-дороги позволяли ему повернуть назад голову? Беспокойное море жизни, повернувшись всплох, понизу бездонное, разве хотело отпустить из своих теснин? Привольно текущим годам отдал молодость. Теперь, развевая на ветру медно-рыжую бороду, попал сюда. Должно быть, признала? Я все тот же Темучин, ловивший мальков на твоём берегу. Называли сыном багатура Есукея. Он вскричал во весь голос. Не-

жели мир оглох? Или с губ его не срываются звуки? Почему же ничто не шелохнется? Только лишь волны подбивали друг друга.

Что-то белеет на том берегу? Кто-то во всем блем? Машет рукой. То ли к себе зовет? Так это же мать его! Откуда она здесь появилась? Пожелтели уж, поди, ее кости? Неужто воскресла? Как говорил вещий Будда, между этим и тем миром всего лишь шаг. Действительно. Матушка, излучая ласку, словно хочет сказать ему: «Сын мой, не забывай Небесного Тэнгри...» Да возможно ли это? Вся его жизнь прошла под покровительством верховного владыки. Бросал в ледяную воду, проверяя на выдержку. Бросал в огонь, проверяя на крепость. Гнул — не согнулся, ломал — не сломался. Одним взором решал судьбы мира, одним взглядом казнил и миловал. Он подался вперед. «Я сейчас доберусь до вас через реку». И что слышит? «Не спеши, сынок. Заверши сначала дела», что ли?

Заверши сначала дела!..

Взобраться бы на гребень горы и, грея спину под солнцем, узреть умудренным опытом все четыре стороны света. Пробежаться бы мыслью по древу, бросив на чашу весов милость прожитых лет и надежды дней предстоящих. О, и как прежде сыграть бы в альчики, поставив на кон ни много ни мало судьбу земного жития!

Династии своего первенца Джучи он определил в наследство Алтай, широкие степи Сары-Арки и всего Дешт-и-Кипчакского улуса, раздробленные, подобно коровьим почкам, русские княжества в придачу с Европой.

Хан Чагатай получил в свою империю народы Туркестана и Афганистана, страны Индостана, Пакистана, Персии и Кавказских хребтов.

Укетай стал единоправным властителем земель Восточно-Тюркского каганата, вбивавшего в себя территории Монголии, Джунгарии, Восточного Туркестана и Сибири.

Младший сын Толе стал правителем Китайской империи Цзинь, а также ханств найманов и тангутов.

Не обделены были также именитые его воеводнояны Субедей и Джебе. С завоеванных стран и земель им полагались первые поборы.

Наведаться к разнородцам на японских островах, прогуляться на крепко подкованных конях до льдов Северного океана, неспешно обозреть величавое кочевье Тихого — было делом недалекого будущего. Быть может, его жизнь не длиннее рукоятки нагайки. Тем не менее не рукоятка подгоняет под ним вороного. Сама толстая нагайка, плетенная из многих ременных тесемок. Так не оставил ли он после себя наводящую страх на-

гайку? Не свистит ли она ныне у изголовья народов, точно ветряная мельница? Надобно ли тогда кручиниться? Шагну-ка в реку!..

Проклятые видения сводят с ума. Опять противоборство? Оба тумена Джебе и Субедея прикнулись в горах Кавказа. Преклонили армян и тюрков. Подойдя к границе с Грузией, встретили отчаянное сопротивление. Уперлись лоб в лоб на реке Терек. Грузинам подошли на помощь воинственные аланы и черкесы, подросли лезгины. Придвинулись и многочисленные соседние кипчаки. Противостояние приняло ожесточенный характер. Горцы, родившиеся и выросшие в горах, зная каждый камень, не дают ступить шагу. Что делать? Гонца, загнавшего быстрых коней, он снарядил обратно, дав ему нужный совет. Результат не заставил ждать. Получив от его воевод щедрые преподношения и подарки, кипчаки, снявшись в одну ночь, покинули майдан. Отступили к кочевьям на Волге. В скором времени горцы были разбиты. Позднее, неожиданно напав, подчинили и кипчаков. Винить им, кроме себя, некого. Иной раз простодушные, ровно дети. Иной же раз трудно превзойти их в кознях и лукавстве. Мастера перелицовывать белую шкуру на цветную. Непостоянство нрава сыграло и с ними злую шутку.

Вот оно, простодушие и вероломство, как если бы внутренняя и внешняя сторона одной ладони.

Правда ли, что его зять Тучагар напал на богатый персидский город? Истребляет, говорят, мастеровых и умельцев? О, злодей! Забыл, видать, ярлык великого кагана? Кто осмелится нарушить его? Кто подвигнется на неслыханную дерзость? Ежели не брать в расчет болванов от младших жен, то четверо его сыновей, рожденные старшей, внимают каждому сказанному им слову. Когда впервые, удостоенный духом предков, он возглавил войско, то потребовал, каким бы городом или страной они ни завладели, не трогать представителей различных искусств и ремесел: философов и поэтов, летописцев и зодчих, ученых и оружейных мастеров. Напротив, покровительствуйте и всячески их оберегайте. Они — рабы благонравия и божьего призвания. Вместе с тем паршивую душу того, кто отступится от ярлыка, сам отошлю в преисподнюю. М-да... Травлю устроил!

Две вины уже не спасут. Персия целиком приняла его подданство. Народ в трудах праведных платит исправно дань. Не поднимает, сподобившись иным, то и дело смуту, не разжигает междоусобную рознь. Избивать мирный заново — преступление. За ним кроется толстокожее властолюбие и безмерная алчность. Что до покушения на людей искусств? Искусство умельцев — светлый

луч, уходящий в завтрашний день. Погасить его не под силу не только какому-то зарвавшемуся зятю, а даже мне — великому кагану. Поделом, гоните с воем и отрубите голову. Поживет дочь и без мужа. Без разницы, поздно иль рано оборвется бесталанная жизнь? Туда и дорога. Царство небесное, сам напросился. Не умеющий твердо держать меч сам и порежется.

Его отец Есукей-багатур подковывал коня перед набегом. Маленький Темучин удивленно смотрел на изогнутую железную пластину. Что же тогда молвил отец, увидев в глазах его любопытство? «Сынок, подковы нужны, чтобы предохранять копыта. Не дают скользить по камням и по гладкому льду. Запомни, подковы твердо удерживают копыта. Копыта держат ноги, ноги — коня, конь — седло, а седло удерживает хозяина, сидящего на нем. Видишь, какая большая польза от маленькой подковы. А дальше кумекай сам. Тигр детенышам мясо не разжевывает. Будет разжевывать — не вырастут крепкими зубы». Краткой, но поучительной морали отца он придерживался всегда. И довел до уразумения наследников.

Ужели матушка еще стоит на том берегу? Бурные воды Она пропустят ли конного всадника? Где та золотая лодка? Подайте! Опустите брюхом на воду. Поплыву-ка к матушке, рассекая наискось волны. К утробе моей бесценной. Много лет назад мать спрятала его перед рассветом от набега тангутов, закрыв чапаном. Скрываясь в густых зарослях, они едва выжили. Оставшись рано вдовой, старалась не выказывать ему своей слабости. Не желая кому-то быть обузой, не заглядывалась на чужих мужчин. Не подпускала близко и сорвавшихся с привязи пройдох... Он сказал же, лодка, при чем здесь золотой саркофаг? Где это видано, чтобы громадный сундук плыл по воде? Зачем его выставили наружу из горной теснины? Куда подевалась его неусыпная стража? Или мудрец Кокочос раскрыл всему люду его последнюю тайну? Уберите с дороги! С глаз долой!

Да, когда напали тангуты... Хоронились в густых зарослях. Посередине на опушке раскинулся величавый тополь. Один-одинешенек. Тянет к небу руки-ветви, горделив. Заметив, что сын с интересом смотрит на дерево, мать рассказала ему сказку. Говорила тихо, почти шепотом. Которая то была сказка-то? Вот, не приходит на ум. Вся его жизнь превратилась, очевидно, в необычную сказку. Всего-то и не упомнишь.

Э, о тополе-исполине! На одной горе рос такой же величавый и гордый тополь, рассказывала мать. Рос сам по себе. На ветки его с гомоном и граем садились разные птицы. Вили гнезда, выхаживали

птенцов. Тень от дерева была настолько большой, что в ней могло разместиться целое племя. Днем останавливались путники на отдых, некоторые оставались с ночевкой. С каждой людской благодарностью ветви дерева поднимались все выше и выше. Далеко разрослись и разбежались под землей его корни. И от этих корней, разбежавшихся по склонам и оврагам, поросла целая чащоба побегов и отпрысков. Однажды поднялась на земле крошечная буря. Следом примчался крутящийся смерч. И яростно обрушились на тополь. Разбросали ветви, разметали листья. Покорился и склонил перед нами голову, завывала завистливая буря. Слушай, что тебе говорят! Распугай птиц. Не подпускай прохожих. Иначе выворочу из земли и погублю, грозит разъяренный смерч. Но величавый и гордый тополь не склонил головы. Не то чтобы не склонил, а и не стал смотреть в их сторону. Ну а как повели себя, скажешь, выросшие на его корнях отпрыски и побеги? Переполошившись от страха, они просто пали ниц перед разбушевавшейся бурей и злым смерчем. И гнулись, и стелились при них как по команде. Таким образом и спаслись. Ну

а тополь? Так и не склонив своей величавой и гордой головы, пал героем. Не мог унизиться перед врагом. А пошедшие от него побеги и отпрыски... Сгрудившись в кучу над изголовьем, стали хлестать его, приговаривая: о, дурак, стелился бы и кланялся, как мы, то и не распластался бы во весь рост. Пеняй-де, сам на себя.

Матушка... Куда же она пропала, сидевшая подле, нашептывая сказку? Величавый тополь, отпрыски... Буря со смерчем... Так это вовсе не сказка! На дне сознания вновь всколыхнулись сонмы видений. Грудь словно опалило горячими углями. К горлу подкатил и застрял ком. Он содрогнулся всем телом. Его била крупная дрожь.

Чем это омыло его лицо? Очевидно, треклятый ком в горле распустился слезной ересью? Какая блажь? Плачет ли всемогущий каган, преклонивший к ногам половину вселенной? Поди, разверзлась пропасть души. Мочи нет сладить. Жжет огнем лицо. Ко рту подступает прогорклый привкус. Какая горечь! Пожалуй, и уши заливают?! Теперь на его царственном лице, испещренном игрою морщин, наверное, застынут белые размывы

соли. Неужели гаснет и солнечный луч? Что бы ему не сиять, раскидывая вокруг золотой, ласковый свет? Откройте мне путь! Расступитесь по обе стороны! Не ухожу ли я навсегда?..

* * *

Где этот тюркский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Наказов немало... Ни конца им, ни края...

Когда я уйду...

Не кладите в мой склеп ни золота, ни серебра, не нужно алмазов и самоцветов. Саркофага одного довольно. Эти призрачные ценности будут ли так же блистать и греть его нутро в извечном том мраке?

Оно и без того в поднебесном мире далеко прогремит моя слава. Народ сочинит легенды. Кто-то будет гордиться. Кто-то скажет — злодей-кровопиец. Равно дух мой не станет тому кручиниться. Аз есмь — одинокий всадник Вечного Синего Неба!

И могилу мою не ищите. Не дано вам ее найти. Ну, коли найдете, то пробьет и ваш час. Солнце взойдет не там. Луна не сдвинется с места. Горы вздыбятся, океаны выплеснут из берегов... Не зывайте к тленным, желтым мощам величайшего Бога войны! И без того на земле немало пролито крови. Посему и погрузил глубоко в тартары...

* * *

Куда же пропали кони-тарпаны, разметавшие хвосты и гривы? Отчего напозают из тысяч окраин бессчетные тьмы муравьиного народца? Подите все прочь! Прочь от меня!..

Дайте мне дойти до матушки на тот берег Онона-реки. Притомилась, поди, меня дожидаясь. Несите золотой саркофаг. Поставьте пред очи мои! — хотел сказать он. Но — тщетно. Сонмы видений, озаренные закатным светом сознания, угасали одно за другим...

— Угасла ярчайшая звезда... Скрылась от нас навеки, — молвил сидевший, словно живой Будда, мудрейший Коко-Цос, не отрывая глаз от небесного свода. — Какой удел нам уготован, о великий из великих? Ты был столпом добродетели. Горе-то какое неизбывное! На кого опустевших оставил?..

— Хан Чингис, рожденный со сгустком крови в кулаке, завещал долго жить! Радость-то какая несутная! — будоражила далекие уголки земли, куда могли донести копыта неумолимых коней.

И кому только верить?!

* * *

Опустился полог ночи. Опечалит ли оно кого?..